

ЧАСТЬ III. «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИСТОРИЯ» В МИРОВОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.Л. Григорьева (НовГУ, Великий Новгород)

Интеллектуальный переворот XII в. и феномен западноевропейских университетов (к вопросу о цивилизационных образовательных моделях)

Культура раннего западноевропейского Средневековья, основой которой был христианский неоплатонизм в форме августинизма, развивалась в рамках цивилизации *ценностного* типа социальной мотивации. Школы в абсолютном большинстве случаев существовали при монастырях и епископских кафедрах. Сфера десакрализованного знания в качестве самостоятельной отсутствовала. Вера и знание, согласно доктрине, принятой Церковью, считались совместимыми, языческая философия – совместимой с христианским учением. Светское знание играло подчиненную роль. В XI–XII вв. в средневековой Европе начался бурный рост городов. «В своём развитии они опережали время и становились провозвестниками будущего. Можно сказать, что они уже сами по себе были этим будущим», – пишет о городах XI–XII вв. Ф. Бродель. Это обусловило формирование новой цивилизационной парадигмы – с *целевым (инструментальным)* типом мотивации социальной деятельности.

Города начинают играть главную роль в системе образования. Их расцвет привел к интеллектуальному возрождению, к появлению *интеллектуала-профи*, как одного из тех мастеров (его ремеслом на первых порах было «писать и обучать»), которые под влиянием разделения труда обосновались в городах. В XII в. появилось множество таких интеллектуалов-«ремесленников», большей частью клириков, связь которых с Церковью ослабела. Это привело к частичной десакрализации знания: светское знание – свободные искусства – приобрело автономный статус. Изменилась и образовательная модель: наставника в вере сменил интеллектуал, продающий услуги интеллекта. Город мыслился современниками как большая мастерская, в которой обучение свободным искусствам стало одним из ремёсел, а профессия магистра уподобилась профессии плотника и кузнеца. В отличие от наставника в вере магистр уже являлся *специалистом*, т.е. знатоком не целого, а части, определенной узкой сферы знания [*specialis (лат.)* – особый, частный]. Отмечая произошедшую смену цивилизационной парадигмы, Ж. Ле Гофф определяет и её суть: городские интеллектуалы «увели Запад от миражей Азии и Африки, от мистических миражей леса и пустыни».

Отныне вместо монастырей средоточием образовательных усилий стали города. Там были соборные школы, доступные, в отличие от мона-

стырских, всем желающим; некоторые городские монастыри основывали там свои «внешние» школы; там же всё больше становилось частных школ. Для их открытия требовалось лишь разрешение – лицензия от канцлера собора или аббата близлежащего монастыря. Магистр, получивший *licentia docendi* (право преподавать) от епископа и от главы школы, становился профессором (преподавателем), принятым в корпорацию. В XII веке в большинстве случаев слова «магистр» и более редкое «доктор» означали человека, прослушавшего курс и получившего право преподавания в одном из престижных учебных центров Европы. Лицензирование права на преподавание стало одним из шагов на пути возникновения учебных корпораций – университетов.

Культурный подъём, известный под названием Возрождения XII века, породил, ещё до возникновения университетов, феномен *высшего* образования, суть которого составляют трансляция знаний в большом объёме и сочетание преподавания с научной деятельностью. Школами высшего типа были городские школы Северной Франции: Шартра, Лана, Парижа, славившиеся преподаванием естественной философии, теологии и логики. Европейские университеты, возникшие на рубеже XII–XIII вв., стали лишь новой организационной формой этого феномена, «институционально его конституировали». Первоначальным названием университетов было *studium generale* – «всеобщая школа», в отличие от *studium particulare* – «местная школа». «Всеобщая школа» имела право присуждать ученые степени, главной из которых была степень лиценциата, дававшая право «преподавать повсюду». Эти степени пользовались признанием во всех высших школах христианского Запада, статус которых был гарантирован, прежде всего, авторитетом и поддержкой главы Римской католической церкви, а также покровительством королевской или императорской власти. Постепенно название «всеобщая школа» было вытеснено названием «университет» (*universitas*). «Местные школы», не выдержав конкуренции, опустились до элементарных. Со временем на уровне обыденного сознания сложился неверный, но стойкий стереотип, согласно которому только университет является высшей школой. Мало известен и такой факт: отличающая университеты корпоративная структура сложилась далеко не сразу. Вот как описывает самый ранний этап в истории университетов П. Маффеи: «Первоначально вокруг отдельного профессора собиралась группа студентов (*comitiva*), и возникали очень тесные, почти семейные связи... Постепенно отношения между студентами и профессорами стали давать трещину... Медленно исчезла *comitiva*: на её месте родилась корпорация студентов (*universitas*)».

Система светского образования, доставшаяся Средневековой Европе в наследство от Римской империи, в течение всего Средневековья создавала прочную базу для светской культуры, которая в эпоху Возрождения начала претендовать на самостоятельность. Культурная традиция Запада со временем усвоила рационалистическую концепцию текста, отличную

от «субстанциональной», в которой слово соответствует обозначаемому предмету – субстанции. Рационалистическая, трёхкомпонентная концепция текста (слово–объект–субъект) была иной: она учитывала роль критически мыслящего субъекта – интеллектуала, сменившего в цивилизации Запада «книжника» и писца. Эта революция произошла благодаря интеллектуальному перевороту XII в.

В отличие от Западной Европы Средневековая Русь оказалась совершенно чужда секулярной культуре. Преобразовывать сакральный текст в соответствии с грамматическими правилами считалось здесь опасным делом. Большие опасения вызывала также логика. В полемическом сборнике «Остен», в главе, повествующей об учёном диспуте между Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким, говорится: «...бегати бо силлогисмов, по святому Василию, повелеваемся, яко огня, зане силлогисмы, по святому Григорию Богослову, – и веры развращение, и тайны истощение». «Внешние мудрости» – грамматика, риторика и диалектика встречались на Руси враждебно и недоверчиво.

Христианский неоплатонизм (исихия, пришедшая из Византии) принял на Руси форму личного поведения, духовным стержнем которой было православное благочестие. Именно присущий Православию идеал святости определил образовательную модель Древней Руси, основу которой составляло не интеллектуальное познание, а мистическое учение о теозисе (обожении) – обретении христианской духовности путём подражания жизни святого с помощью Благодати. Под «образованием» на Руси понимали уподобление образу, достойному подражания (образу Божьему, прежде всего), учитывая, в первую очередь, религиозный и нравственный компоненты образовательного процесса. Сравнивая образовательные модели Руси и Средневекового Запада, обратим также внимание на «правовой нигилизм», присущий русскому Средневековью.

Н.В. Ростиславлева (РГГУ, Москва)

Университет Гумбольдта и развитие либеральных традиций в Германии XIX в.

Немецкий классический университет оказал сильное воздействие на духовное развитие Европы XIX века. Это был век неоспоримого мирового значения немецкоязычной науки, которая являлась наукой университетской. Этот университет – творение Вильгельма Гумбольдта, но его модель была выстроена под влиянием интеллектуальных размышлений великих немецких философов И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Шлейермахера.

Главная особенность немецкого классического университета – построение учебного процесса на принципе единства исследования и преподавания, который дополнялся академической свободой. Эти идеи были обоснованы в знаменитом меморандуме В. Гумбольдта «О внутренней и

внешней организации высших научных заведений в Берлине», ставшего программным для создания Берлинского университета (1810).

Такой университет был свободен как от влияния церкви, так и от государственной опеки в сфере науки и образования и организован подобно привилегированной корпорации на основе самоуправления. Академическая свобода в гумбольдтовской концепции – это право преподавателей выбирать предметы для изучения без ограничения со стороны стандартных программ. Гумбольдт сформулировал в меморандуме еще одну важную преференцию университетского образования, заявляя, что умственная деятельность в человеке развивается как совместная деятельность. Это означало признание студентов в качестве равноправных партнеров научной деятельности преподавателя и превращало университет в исследовательский центр. Государство, по мнению Гумбольдта, должно было оказывать университету финансовую поддержку и назначать преподавателей. Ученый понимал, что последнее нарушало принцип самоуправления, но защищало свободу, поскольку благодаря этому сохранялось столь важное для развития индивидуума стремление к разнообразию.

На первый взгляд, концепция университета Гумбольдта содержала в себе сильную бинарную оппозицию: свобода должна сочетаться с государственной опекой. Политическая практика прусского государства еще при жизни Гумбольдта серьезно нарушила чистоту его замысла. Так, в 1819 г. в Германском союзе были приняты Карлсбадские решения, которые вводили контроль над университетами, что привело к сильным протестам со стороны либерального лагеря. Вынужден был оставить преподавание в Боннском университете К. Велькер. В знак протеста ушел в отставку с государственной службы и сам Гумбольдт, но, объясняя свой уход в статье «О Карлсбадских решениях», он, даже критикуя их, не желал бросать тень на прусского короля. В анналах либерального движения Германии имя В. Гумбольдта связано с интеллектуальным либерализмом. Назначение идеального государства он видел в пробуждении чувства внутреннего достоинства человека, которое отождествлялось со свободой, государство обеспечивает, по его мнению, наивысшее духовное развитие человека. Поэтому его пиетет перед государством вообще, прерогативы которого в классической теории либерализма ограничены, не выглядит в контексте его образовательной концепции нелогичным.

В XIX в. развитие либерализма в Пруссии, а затем в Германской империи связано с довольно сильным признанием прерогатив государства. Идеи либерала Рохау о «реальной политике», ориентированной на сотрудничество с государством, и поддержка национал-либеральной партией Бисмарковского проекта объединения Германии также являются глубоким реверансом государству. Но этот пиетет уже проявляется в иной плоскости и, с точки зрения теории континуитета германской истории, подвергается немецкими исследователями критике. Seriously настроены были на сотрудничество с прусским государством также предста-

вители экономического либерализма, например, Кампгаузен и Ганзман, но их либеральные интенции натолкнулись на преграды прусского государства, критиковать которое они себе не позволяли, а встраивали свои экономические начинания в существующие политические реалии.

Феномен образованного человека и его взаимоотношения с государством – важная тема как для истории XIX в., так и для XX в. К концу XIX в. Германия займет ведущее место в научном мире как по целому ряду достижений в ключевых областях, так и в особенности по размаху и уровню организации научных исследований. Роль гумбольдтовской концепции в этом неоспорима, поскольку она обосновывала привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора, что стало своеобразным ориентиром для германских коллег за границей. Но такой оптимальный вариант организации науки и образования в тандеме с государством, где последнее выступало как единственный гарант поддержания и сохранения духовных ценностей, привело в Германии к возникновению феномена мандаринизма (Ф. Рингер) и, в итоге, к разрушению гуманитарной науки в годы национал-социализма.

Н.Н. Зипунникова

(Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург)

«Университетская география» и ее отражение в законодательстве Российской империи (к изучению истории университетов)

Университетская история, лежащая на пересечении нескольких отраслей исторического знания – социальной истории, культурологии, институциональной истории, истории государственной политики, может теперь, используя их последние достижения, выйти на новый уровень обобщений (См.: «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 7). Важным представляется и историко-правовой контекст университетской истории. Закономерным следствием определяющего участия российского государства в университетском строительстве XVIII – начала XX вв. стала мощная законодательная база, в деталях регулировавшая отношения в сфере высшего образования и науки. Задачей государства было, кроме прочего, устроить университеты в разных «полосах» государства; в начале XIX в., с манифестацией идеи «народное просвещение – особая государственная часть», страна была поделена на учебные округа.

«Университетская география» является одним из направлений активно развивающейся социальной географии. В современных условиях особую значимость обретают комплексные социально-географические исследования, способные интегрировать разнородные частные аспекты территориальной организации высшего образования, представив тем са-

мым сложнейшую группу этих проблем как единое целое (Катровский А.П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. М., 2003. С. 4). Уточним, что ведем речь об императорских университетах, т.е. высших учебных заведениях, учреждавшихся и осуществлявших свою деятельность по инициативе и на средства государства. Все прочие формы, в том числе возникшие в пореформенный период и отражавшие новую тогда тенденцию сотрудничества общества и государства (народные университеты, Высшие женские курсы, частные вузы и вузовские курсы и др.), требуют отдельного осмысления.

Использование достаточно условной категории «университетская география» позволяет описать эволюцию усилий российской власти по организации устойчивой системы университетского образования на территории большого государства. Часто встречающийся в литературе термин «университетское пространство» – значительно более узкий по содержанию, он демонстрирует территориальную организацию отдельных университетов. При этом выделяют две основные модели такого пространства: 1) когда «замкнутый» университетский комплекс располагается вдали от суеты городской жизни, обособленно на окраине, и 2) когда учреждение находится в центре города, рядом с присутственными местами, координирующими жизнь города (и страны) (Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 61).

Первые российские университеты имели столичную «прописку» (Академический в Санкт-Петербурге и Московский). Но уже в начале XVIII в. отмечалась необходимость «дисперсного размещения» высших учебных заведений, так как централизация высшего образования в столичных городах негативно сказалась бы на освоении новых территорий, социально-экономическом развитии российской провинции. В многочисленных проектах XVIII века вузовскими городами назывались Астрахань, Киев, Батурин, Дерпт; именной указ Екатерины, данный Комиссии об учреждении училищ 29 января 1786 г., содержал план устройства университетов в Пскове, Чернигове и Пензе (1-е ПСЗ. Т. 22. № 16315), чему, увы, не суждено было сбыться. В ходе подготовки учебно-научных реформ в начале XIX в. в нескольких предложенных проектах университетскими центрами рассматривались 9 городов империи. Предварительными правилами народного просвещения 1803 г. в дополнение к существующим университетам в Москве, Вильно и Дерпте провозглашалось учреждение университетов в округе Санкт-Петербургском, Харькове и Казани. «Предназначенными для университетов городами» назывались также Киев, Тобольск, Устюг Великий и др., «по мере способов, какие найдены будут к тому удобным» (Сб. постановлений по Министерству народного просвещения (далее – Сб. постановлений...). Т. 1. СПб., 1864. Стб. 15).

Практика университетского строительства растянула во времени предположения законодателя. Харьковский и Казанский университеты получили свои утвердительные грамоты в конце 1804 г., Санкт-Петербург-

бургский университет был преобразован из Главного педагогического института в 1819 г., а университет в Киеве был учрежден только в 1833 г., чему предшествовало закрытие Виленского университета (Там же. Т. 1. Стб. 254–261, 1152–1159; Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 384, 428, 499). Ни в Тобольске, ни в Великом Устюге университетов устроено не было. В 1827 г. по повелению Николая I существовавший в Финляндии (в г. Або) университет был переведен в Гельсингфорс и получил название императорского Александровского. Сложной была история Варшавского университета, открытого первоначально в 1817 г. и в 1830 г. прекратившего свою деятельность. В 1840 г. были открыты Варшавские юридические курсы, в 1862 г. – Варшавская главная школа, а в 1869 г. – университет (Там же. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1260–1262). Новороссийский университет, преобразованный из Ришельевского лицея, был открыт в Одессе в 1865 г. (Там же. Т. 3. СПб., 1865. Стб. 1199–1224).

Предполагавшийся к открытию еще в начале XIX в. университет в Сибири (в Тобольске) спустя несколько десятилетий было решено учредить в Томске. Он долго устраивался и начал работу только в конце 1880х годов, первоначально в составе лишь одного факультета – медицинского (Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 7-40). Обильный поток узаконений по Томскому университету в период его организации и первого этапа деятельности (не менее двух десятков актов, удостоившихся подписи императора) свидетельствовал и о сложности поставленной задачи, и о последовательности и настойчивости власти в деле университетского строительства. Узаконения эти касались работы комиссии «из лиц, практически знакомых с Сибирью, для соображения вопроса о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предполагаемый университет», расходования средств из казначейства и одобрения различных пожертвований на учебное заведение, устройства и деятельности строительного комитета, отведения земельных участков, организации библиотечных фондов (Сб. постановлений... Т. 7. СПб., 1883. Стб. 155–220, 528–552, 618, 694, 759, 801–803, 990, 1542–1550, 1566–1573, 1863, 1917–1918; Т. 8. СПб., 1892. Стб. 835; Т. 9. СПб., 1893. Стб. 55–62, 651–652; Т. 16. СПб., 1903. Стб. 941–949). Нормативно оформлялись также торжественное открытие университета в 1888 г. и учреждение в нем через 10 лет юридического факультета (Там же. Т. 10. СПб., 1894. Стб. 1134–1211, 1343; Т. 15. СПб., 1902. Стб. 1482–1488).

В 1909 г. открылся университет в Саратове; идея его создания зародилась еще в середине XIX в. и высказывалась впоследствии неоднократно. Университет представлялся «сильным двигателем будущего процветания юго-восточного края (Попкова Н.А. Десятый русский университет. К 80-летию Саратовского университета. Саратов, 1990. С. 4). Высочайше утвержденным, одобренным Государственным советом и Государственной думой законом от 10 июня 1909 г. провозглашалось учреждение в Саратове университета в составе одного медицинского факультета.

«Впредь до издания новых Устава и штата Императорских Российских Университетов» закон распространял на университет действие Общего устава 1884 г. (3-е ПСЗ. Т. 29. Ч. 1. № 32061).

В 1916 г. было принято решение об открытии временного отделения Петроградского университета в Перми в «помещениях, предоставляемых городом и губернским земством», «в составе первых курсов всех факультетов, кроме факультета восточных языков, и со специальным учебным планом на естественном отделении физико-математического факультета, согласованным с курсом первых двух семестров медицинского факультета» (ЖМНП. 1916. № 8. С. 99). В процитированном министерском акте «О приеме в университеты» от 24 июня 1916 г. наряду с Пермским отделением (в мае 1917 г. преобразовано в самостоятельный Пермский госуниверситет) назывались сам Петроградский университет, а также университеты Московский, Казанский, Харьковский, Св. Владимира (в Киеве), Новороссийский, Томский, Николаевский (в Саратове), Юрьевский (бывший Дерптский) и Варшавский (в Ростове-на-Дону).

Как следует из показанной «университетской географической карты» Российской империи, в научно-образовательную политику государства неизбежно и прочно вплетались геополитические, экономические, национальные интересы. Университетскую историю в этом смысле также можно отнести к вопросам, связанным с имперским измерением Российского государства – взаимодействия между центром и периферией, управления многонациональными окраинами, национальных движений и попыток национального строительства, сложного переплетения имперской и национальной идеологии, имперского и национального самосознания («Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 186). Познание сложного процесса «трансфера и адаптации “университетской идеи”» (А.Ю. Андреев) в России диктует необходимость и их постановки.

К.А. Ильина (Казанский ГУ)

Проблема университетской корпоративности в письмах попечителей учебных округов (первая четверть XIX века)

Социологи определяют корпоративность как «чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения» (Э. Гидденс). В данном случае мы обратим внимание на процесс «рождения» университетской корпоративности в Российской империи на примере истории Казанского университета.

Начало XIX века – время создания системы народного просвещения в Российской империи. Появление университетов в России повлекло за собой формирование академических корпораций. Этот процесс сильно отличался от подобного в европейских университетах. В Западной Евро-

пе, как отмечают исследователи, университетские корпорации формировались спонтанно, вследствие критической «концентрации интеллектуалов в учебных центрах», корпоративные традиции и нормы вырабатывались постепенно (Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra universitatis*. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 85-86; Кулакова И.П. *Университетское пространство и его обитатели*. М., 2006. С. 245-246). В России же инициатива создания университетов исходила от верховной власти, корпорация назначалась, а правила и критерии, по которым должна строиться университетская жизнь, были прописаны в составленном членами Главного правления училищ под влиянием европейских университетских моделей Уставе 1804 года.

Воплощать идею университета в жизнь было поручено попечителям учебных округов. В иерархии управления образованием попечитель занимал промежуточное положение между университетом, с одной стороны, и министерством народного просвещения, с другой. Жить попечителям предписывалось в Петербурге, раз в два года объезжая свой округ.

Механизм управления университетом и его корпорацией позволяет раскрыть такой источник как переписка попечителя учебного округа. В Национальном архиве Республики Татарстан и Отделе рукописей и редких книг научной библиотеки КГУ в разрозненном виде сохранился комплекс писем глав округа за первую четверть XIX в. (С.Я. Румовского, М.А. Салтыкова и М.Л. Магницкого) и ответов на них членов университетского сообщества. Переписка позволяет выявить механизмы неформального управления университетом, отражает работу попечителя по «приведению его в цветущее состояние», которая включала комплекс мероприятий, в т.ч. и создание «ученого сословия» в подведомственном учебном заведении. Деятельность попечителей делилась в этом вопросе на два направления: поиск людей, которые согласились бы преподавать в Казани, и превращение «собранных» в университете ученых в академическую корпорацию западного образца, с едиными нормами и традициями, с чувством «принадлежности» и преданности университету.

Поиск преподавателей в университет осуществлялся попечителями несколькими способами. Первый заключался в приглашении ученых из разных университетов Европы и Российской империи. Это могли быть как лично знакомые главе округа исследователи, так и рекомендуемые ими их коллеги. Второй способ состоял в рассмотрении направляемых попечителю частных просьб о принятии в университет как от преподавателей университетов (русских и европейских), так и от чиновников гимназий и училищ округа. Последних часто протезировали как попечители соответствующих учебных округов, так и профессора Казанского университета. Бывали случаи и «забракования» претендентов. Причины могли быть самые разные: от злоупотребления алкоголем до случайно дошедшей до попечителя информации о неблагонадежности. Так, М.Л. Магницкий писал о частном визите неизвестного лица, результатом

разговора с которым стал отказ от профессорства в Казани имеющему докторскую степень выпускнику двух факультетов Московского университета, инспектору Оренбургской врачебной управы А.А. Шпиру.

Намного сложнее дело обстояло с формированием академической корпорации (не просто как данности, а как действующего организма). Пестроту, прежде всего национальную, собранного в Казани ученого сообщества исследователи отмечали неоднократно. В письмах нашла отражение такая проблема, как отсутствие общего языка общения, когда владение или невладение языком становилось инструментом воздействия и борьбы за власть в складывающейся корпорации. Так, переписка профессора физики Броннера с попечителем Румовским изобилует примерами незнания немецкими профессорами русского языка и плохого знания французского, а русскими – латыни или немецкого.

Кроме проблемы непонимания, национальная «пестрота» имела и еще одно последствие. Прибывшие из разных университетов Германии и Швейцарии немцы принесли с собой традиции европейских университетов и, как свидетельствуют письма профессоров, на заседаниях Совета, при конфликтах с коллегами они действовали согласно своим убеждениям и ценностям, считая иное поведение невежественным, непросвещенным, варварским. Они противопоставляли себя русским профессорам, чьи представления об университете и корпоративности базировались на патриархальных традициях и локальных обычаях, на сформированных в ходе службы привычках, на самостоятельной интерпретации Устава 1804 г. Относительно противостояния немцев и русских в университете попечитель М.А. Салтыков замечает: «это история всех университетов – Харьковского, Московского – они также находятся в состоянии гражданской войны». Процесс складывания единых корпоративных норм, борьбы за свое место и свои ценности в рождающейся корпорации определялся попечителями и их респондентами как противостояние «партий». В данном контексте особо отмеченные дореволюционными историками Казанского университета «русская» и «немецкая» партии могут прочитываться не только как объединения профессоров по национальному признаку, но и как противостояние культур и установок.

Говоря о «рождении» (как процессе) корпорации, следует отметить и факт смены попечителей университета, каждый из которых пытался в той или иной мере повлиять на «ученое сословие». Недовольство университетскими чиновниками могло быть высказано или в качестве возмущения (С.Я. Румовский), или как жалоба респонденту (М.А. Салтыков), или в форме подробных предписаний к выполнению (М.Л. Магницкий).

Достаточно четко определил свое отношение к университетскому сообществу М.Л. Магницкий, используя местоимение «мы» (чего не было у других попечителей). В своих письмах он проводил мысль о вреде интриг, «фаворитства» и «духа партий», говорил о совместном движении вперед для достижения цели, о преданности университету. В процессе

решения очередного конфликта во вверенном ему учреждении Магницкий сформулировал тезис, который, на наш взгляд, представляет формулу университетской корпоративности: члену «университетского сословия» необходимо «всем лишним связям предпочитать благо университета как сословия, к которому каждый член его привязан быть должен». Одна из составляющих этой привязанности – гордость за принадлежность к университету, которая проявляется и в выборочном присвоении званий почетных членов университета и в качестве принимаемых студентов. Потеря этих качеств приведет к упадку университета.

А.А. Василенко (Институт развития образования Омской области)

Университетская кафедра как центр консолидации гуманитариев (первая половина XIX века)

Первая половина XIX века – время зарождения общественного сознания россиян, когда было посеяно семя, давшее жизнь тому ростку, который, по образному выражению А.И. Герцена, был беспощадно «вырван с корнем» в период николаевского правления. И снова мы обращаемся к «детям 1812 года» и вновь задаем себе вопрос: кем же были они для России XIX века и кем остались для потомков? Какое «зерно» они посеяли на ниве российского просвещения, и каковы всходы, плоды их деятельности.

Если примем во внимание то обстоятельство, что к концу первой четверти XIX в. только начинают складываться научные школы и исторические общества, только набирают силу периодические издания, то, бесспорно, практически единственным центром профессиональной и идейно-политической консолидации гуманитариев становится университетская кафедра. Это тот центр, где зарождается и формируется ядро российского просвещенного общества, из которого выходят российские интеллектуалы, определившие движение общественной мысли.

Недаром среди представителей российского просвещения первой половины XIX века на первый план выходят именно профессора и преподаватели университетов: С.С. Куторга, М.С. Куторга, В.С. Порошин, П.Я. Корнух-Троцкий, П.О. Шиховский, А.И. Чивилев, Т.Н. Грановский, А.Н. Савич, П.Я. Петров и мн. др. Жизнь, научная и преподавательская деятельность каждого из перечисленных ученых сложилась по-разному, но именно «благодаря этим молодым профессорам, Московский университет 40-х годов стоял на такой высоте, на которую ему не приходилось подыматься ни прежде, ни после этого славного времени» (Бороздин А.К. Литературные характеристики. XIX век. Т.2. СПб., 1905. С. 99).

В деятельности профессоров университетских кафедр нельзя не отметить корпоративный дух, стремление сообща двигаться к поставленным целям, решать вопросы просвещения и образования не только студентов, но и в целом российского общества. Это были «ученые яркого

таланта и широкого кругозора, независимой мысли и общественного долга» (Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 95). Университетская кафедра являлась объединением людей, имеющих общность интересов и целей, сродни Открытому обществу, где человек реально использует ту духовную свободу, которую ему предоставляют. Это нашло отражение в стремлении профессоров и преподавателей донести до студентов и вольнослушателей не только права, но и обязанности каждого. Здесь значимо то, что часть «молодой профессуры» проходила стажировку в германских университетах, причем внимание русских «студентов» привлекали не только университеты и библиотеки, но и уклад жизни. Посещая лекции и занятия немецких профессоров, они впитывали их стиль, манеру преподавания. Перенимая опыт немецкой профессуры, они не ограничивались чтением лекций, а принимали студентов у себя на дому: проводили семинары, снабжали литературой, вовлекали в беседы и дискуссии на научные и современные темы.

Молодые профессора Московского университета «новой формации» осознавали себя не только педагогами и учеными, но и составной частью культурной жизни своего времени. Они выступали с публичными лекциями, сотрудничали в «толстых» журналах, ведомственных изданиях, выступая в качестве авторов, редакторов, издателей. Уже с 1830–40-х гг. университеты были главными очагами просветительской идеологии. В Москве именно университет стал центром идейных исканий. Молодые профессора Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, П.Г. Редкин, К.Д. Кавелин, вместе с «питомцами университета» А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, составили влиятельный кружок прогрессивной интеллигенции.

Наиболее ярким представителем профессора «просветительского типа» современники единодушно признавали Грановского, для которого чтение лекций было «не ремеслом, а высоким искусством – искусством посвящения в истину» (Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990. С. 56). Имя его стало своего рода эталоном: сравнение с Грановским воспринималось как высшая похвала профессору, признание его особого влияния и авторитета среди учащейся молодежи. Высокий уровень знаний Грановского, по мнению Бороздина, был результатом, в первую очередь, зарубежного образования (Указ. соч. Т. 2. С. 100).

Нельзя не отметить и другую важную функцию сообщества профессоров и преподавателей – «университетское» наследование не только знаний, но и ценностей, что предполагает сменяемость поколений при последовательной передаче знаний от одного поколения другому. В этом смысле мы можем говорить именно о научных «школах», где традиции одного поколения наследуются, передаются и развиваются.

Университетские кафедры спланировали лиц разных сословий, разного воспитания: «Двери их (университетов – В.А.) были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, ни уволенным своей общиной» (Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1. М., 2001.

С. 100). В социальный состав «ученого сословия» входили представители и дворянства, и духовенства, и купечества, и разночинцы, кроме того, мещане, крестьяне и казаки. При этом дворяне составляли не более трети, поскольку они, по традиции, предпочитали военную или чиновничью службу. И если разделение на социальные группы в других странах зачастую является барьером к объединению разных людей, то в России это обстоятельство уходит на второй план. Хотя нельзя не учитывать контроль со стороны университетской администрации, тем не менее, очевиден результат деятельности профессоров и преподавателей университетских кафедр: им удалось «зажечь искру» просвещения и образования, они смогли повлиять и на развитие российской науки, и на развитие общественной жизни, поскольку «кафедры для них были святыми наложками, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии» (Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1. С. 427). И если даже они сами «не дали глубоко-ученых трудов, все же они выдвинули ряд учеников, которые пошли уже своим путем» (Бороздин А.К. Указ. соч. Т. 2. С. 98).

Университетская кафедра становится не только центром образования, но и, наверное, в гораздо большей степени, центром воспитания, где постигались нравственные, духовные, культурные ценности общества.

М.Ю. Досталь (Институт славяноведения РАН)

Методология романтизма как основа становления кафедр славяноведения в российских университетах в середине XIX века

Когда речь идет о первых университетских славистах и начале профессионального славяноведения в России, неизбежно встает вопрос о методологической основе преподавания данного предмета и научных трудов в этой области. Общеизвестно, что они базировались на идеях европейского романтизма. Романтизм как методологическое направление в русском славяноведении утвердился в 1830-е гг. До конца 50-х гг. и даже далее это направление играло определяющую роль в развитии славистических исследований. Для этой методологии характерны три принципа: диалектический принцип развития, признающий его источником противоборство национальных, религиозных, социальных, политических «миров» или «стихий»; принцип универсализма, определяющий поиск закономерностей в развитии человеческого общества с тенденцией к концепционности и синкретизму мышления; принцип народности, определяющий как задачи научных исследований, так и «высшие цели» прогресса человеческого общества (Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. М., 1956. С. 23, 85, 86 и др.; Досталь М.Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х гг. XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зару-

бежной историографии. М., 1990. С. 6-9; Милюгина Е.Г., Кислякова О.А. О методах романтизма как феномене мировой художественной культуры // Романтизм: грани и судьбы. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 110-112 и др.).

Элементы романтизма ясно обнаруживаются в постановке предмета славяноведения в российских университетах. Начнем с того, что сами кафедры «истории и литературы славянских наречий» были введены в новый устав российских университетов в 1835 г. в ответ на зримое развитие национального Возрождения в славянских странах, проходившего под знаком романтизма. Сначала пытались пригласить специалистов из славянских стран (П.Й. Шафарика, В. Ганку, Ф.Л. Челаковского, Я. Коллара и др.), но после их благовидного отказа приехать в Россию, было решено послать кандидатов от четырех российских университетов (Московского, Петербургского, Харьковского и Казанского) в славянские страны для приготовления к профессорскому званию. Так О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, позднее В.И. Григорович, побывав в большинстве славянских земель, познакомились с элитой славянского национального Возрождения, их трудами, изучили славянские языки и литературы, памятники древней письменности, особенности этнографии и фольклора, историю и археологию славянских народов. Добытые знания были положены в основу преподавания славяноведения. Пожалуй, только у П.И. Прейса не выявлено пристрастия к романтизму. Остальные, особенно в первые годы преподавания, стремились и в структуре, и в содержании предмета следовать канонам романтизма.

О.М. Бодянский первоначально намеревался представить своим слушателям в Московском университете каждый славянский народ как отдельное лицо в романтическом восприятии: в языковом, этнографическом, историческом и историко-литературном отношениях. В. Ганке он писал в 1843 г.: «Цель моя – каждый год преподавать один из главных славянских языков и несколько самоближайших ему второстепенных, чтобы таким образом доставить слушателям нечто целое в своем роде, присоединяя к язычному изучению также историческое, т.е. деписание народа и его письменности» (Цит. по: Кондрашов Н.А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 32). Такой подход зародился у Бодянского при анализе славянских народных песен в магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837). Примерно так же подходил к построению курса в 1840-е гг. и И.И. Срезневский в Харькове, прошедший школу украинских литераторов-романтиков. Его лекции имели филолого-этнографический уклон: главное внимание уделялось «науке народностей», т.е. показу славянства в целом и в отдельных частях сквозь призму этнографии, используя данные филологических и исторических дисциплин. Предмет славяноведения, таким образом, первоначально излагался славистами скорее не по дисциплинам, а по народам, представленным в комплексном освещении (Подробнее см.: Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 101).

Сущность философско-исторической концепции первых университетских славистов, во многом исходившей из трудов немецких философов (Гердера, Гегеля, Шеллинга) и пражского метра славистики Шафарика, состояло в том, что «Провидение» в каждую историческую эпоху избирает особый народ или «племя», способное наилучшим образом осуществить «начертанные» им задачи. Вслед за азиатами, греками, римлянами, романо-германцами, говорил О.М. Бодянский в своей вступительной лекции в Московском университете, «наступает преемственность нам, четвертому главному европейскому племени». Молодое и энергичное славянское племя должно, усвоив «лучшие плоды» западноевропейской цивилизации и «образованности», далее действовать «своим умом», жить самобытной народной жизнью, а потом, достигнув зрелости, повести за собой Европу, вдохнув новую свежую струю в ее «угасающую жизнь» (Досталь М.Ю. Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете 24 сентября 1842 г. // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986. С. 290).

В чем именно заключается «предназначение» славян в современности, первые университетские слависты, как правило, не раскрывали. Однако можно предположить, что это, прежде всего, обогащение европейской «образованности» началами народности, основанной на общих принципах гуманизма в духе «певца славянской взаимности» Я. Коллара. Так, В.И. Григорович полагал, что мерилом просвещенности европейских народов служит степень постижения ими общегуманистических идей христианства, и славяне в этом плане могут достичь «всеобщности идеи просвещения» именно потому, что осознали необходимость преодоления своих религиозных различий, «обратившись к народности» и «поставив себя во взаимность» (Григорович В.И. Краткое обозрение славянских литератур // *Ученые записки Казанского университета*. 1841. Вып. 1. С. 93-153). Интерпретация истории славян в курсах О.М. Бодянского, И.И. Срезневского и В.И. Григоровича осуществлялась по канонам западноевропейской славистической историографии, во главе которой стояли П.Й. Шафарик, Ф. Палацкий, В. Мацеёвский, И. Лелевель и др. ученые-романтики. Славянство рассматривалось ими как особое «племя», наделенное противоположными германскому чертами, при этом, однако, всегда подчеркивалась значимость общечеловеческих начал.

Главным фактором развития славянских народов признавалась их борьба с инонациональными «стихиями»: греческой, немецкой, турецкой и пр. В соответствии с этим оценки событий давались с точки зрения их «пользы» для развития того или иного славянского народа. Причиной потери ими национальной независимости чаще всего признавались отсутствие сплоченности славянских народов, их «усобицы» и «братская ненависть». Все исторические аргументы в пользу сплочения славян использовались для обоснования необходимости культурной и научной «взаимности» славян в настоящем. Именно она могла способствовать

успехам национального развития каждого славянского народа. Вопрос об освобождении славян из-под чужеземного гнета первые университетские слависты не поднимали, всячески избегая касаться современных политических вопросов, что им впрямую предписывал циркуляр министра народного просвещения 1847 г. (Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 57).

Первые университетские слависты заложили основы научного славяноведения в России, соответствующего уровню современной им европейской науки, которой были чужды идеи этно-конфессиональной обособленности. Возможно, это способствовало тому, что они не поддались влиянию отечественных славянофилов и их романтических концепций с приоритетом национально-религиозного фактора. Некоторое исключение, возможно, составлял только О.М. Бодянский. Близкий к кругу славянофилов по патриотической настроенности и «славянолюбью», но не разделявший многие положения их доктрины, он, тем не менее, передал своим ученикам идеи В. Мацеёвского, В. Ганки и др. о православии как некогда единой религии всех славян и о сохранении православной традиции в Чехии (Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.) М., 1978). Так или иначе, все славистические концепции, основанные на методологии романтизма, постепенно изживались последующей позитивистской историографией.

Л.А. Сазонова (Национальный музей РТ, Казань)

Учебная повседневность профессоров Казанского университета 1863–1884 гг.

Учебная повседневность, регламентированная законодательством, вырабатывала у служащих университета особый ритм жизни и восприятие времени, отличный от представителей других занятий.

Рабочее время профессоров делилось на академические года. По Уставу 1863 г. учебный год начинался 15 августа и заканчивался 1 июня. Всем служащим университета полагался отпуск в размере 29 дней в году во время летних каникул студентов (Устав 1863 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 3. (1855–1864), 2-е изд. СПб., 1876). С началом учебного года распорядок времени профессоров был тесно связан с недельным расписанием их занятий. В период действия Устава 1863 г. рабочая неделя составляла шесть дней. Количество часов распределялось на факультетских советах во время составления учебных программ. Каждому преподавателю предоставлялось право вносить предложения по распределению предметов и порядку их преподавания. Окончательно программы утверждались в Совете университета.

В рассматриваемый период учебная нагрузка среди профессоров распределялась неравномерно и варьировалась от 4 до 10 часов в неделю

на каждого преподавателя (Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1863–1864 учебный год. То же на 1880–1881 учебный год). Это было связано с нехваткой преподавательских кадров, особенно на юридическом и историко-филологическом факультете. Так, в 1864 г. вместо положенных по Уставу 1863 г. 58 ординарных и экстраординарных профессоров в Казанском университете было 26 профессоров, в 1869 г. – 44, в 1879 г. – 48. Профессорам приходилось одновременно читать курсы по нескольким предметам. К примеру, в 1860-е гг. профессор Н.Н. Булич на историко-филологическом факультете вел занятия по истории, философии, истории литературы европейских стран, русской литературе (История Казанского университета. Казань, 2004. С. 161).

На практике профессора проводили гораздо меньше учебных занятий, чем предусматривалось. Занятия прерывались на гражданские и церковные праздники, пропускались преподавателями по болезни или в связи с многочисленными обязанностями: необходимостью присутствовать на заседаниях в Совете, публичных лекциях, ученых диспутах коллег и т.д. Ход учебного процесса мог существенно меняться из-за увольнения профессоров в отпуск или отправки в командировку. К примеру, в связи с отъездом на съезд естествоиспытателей в Москву в августе 1869 г. профессоров физико-математического факультета, входивших в состав испытательных комиссий, Совет сместил сроки проведения экзаменов с обычного времени (с 16 по 23 августа) на конец сентября (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5116. Л. 324). Заграничные командировки могли длиться от нескольких месяцев до года, из-за отсутствия профессоров студенты не прослушивали целых курсов. В 1870–71 уч. г. на медицинском факультете не читались лекции по ботанике и зоологии из-за нахождения профессоров в двухгодичной заграничной командировке (Флерин Н.Ф. Медицинский факультет Казанского университета полвека тому назад. С. 311).

Служебные обязанности задавали суточный ритм жизни профессоров. Занятия начинались в 9 час. утра, завершались в 8 час. вечера. Их продолжительность равнялась одному академическому часу, теоретические лекции могли длиться по два часа. В среднем профессора должны были вести в день по два-три занятия. Однако они часто по собственному желанию проводили в университете времени намного больше, чем этого требовало выполнение служебных обязанностей. Много времени в стенах университета находились профессора физико-математического и медицинского факультетов, т.к. особенность их исследовательского труда требовала постоянного присутствия в лабораториях и учебных кабинетах. Студенты медицинского факультета вспоминали: «жизнь И.М. Догеля была всецело посвящена науке, он все время с 9-ти до 3-х часов дня проводил в лаборатории, производя разные исследования и эксперименты».

В 1860–1870-е гг. широко была распространена практика проведения профессорами дополнительных практических занятий со студентами и чтение необязательных курсов. Как правило, их организовывали экстр-

раординарные профессора медицинского и физико-математического факультетов. Так, в 1868 г. медицинский факультет ходатайствовал в Совете университета о разрешении экстраординарному профессору П.Ф. Лесгафту открыть частный курс хирургической анатомии по воскресным дням для студентов высших курсов (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5116. Л. 34). Лекции П.Ф. Лесгафта пользовались большой популярностью. В 1869 г. медицинский факультет сообщал на заседании Совета: «хотя этот курс не обязателен для студентов и не смотря на то, что лекции читаются в праздничный день и продолжаются нередко по два часа и по три часа, – аудитория постоянно полна» (Там же. Л. 264-265).

В 1870-е гг. в свою лабораторию ежедневно в послеобеденное время приглашал учащихся профессор физиологии Н.О. Ковалевский, где показывал эксперименты на лягушках и собаках. Проводил практические занятия по гистологии проф. К.А. Арнштейн и его ассистенты (Флерин Н.Ф. Указ. соч. С. 313). На историко-филологическом факультете в конце 1860-х гг. по инициативе проф. Н.А. Осокина для студентов стали проводиться «учено-исторические и историко-географические семинарии» (НА РТ. Ф. 977. Историко-филологический факультет. Д. 1777. Л. 5).

Кроме чтения лекций и проведения практических занятий со студентами, много служебного времени профессоров занимали административные обязанности. Все профессора – ординарные и экстраординарные – должны были присутствовать на заседаниях Совета университета, а также на факультетских собраниях. Среди молодых профессоров, обычно экстраординарных, распределялись должности секретарей совета и факультетов. Ординарные возглавляли университетские комиссии по различным вопросам, исполняли обязанности деканов факультетов, председателя и членов правления, из их числа избирался ректор университета. Профессора старшего возраста с течением времени отказывались от больших административных и учебных нагрузок. Обычно обращались в университетский Совет с прошениями освободить от должности секретаря факультета, требующей активной работы, и с просьбами уменьшить количество часов по чтению дополнительных курсов. Служба профессоров не ограничивалась временем, проводимым в университете. Подготовкой к лекциям, научной работой они занимались дома. Кроме того, профессора редактировали студенческие лекции и составляли учебные пособия, т.к. учебники в рассматриваемый период выпускались в недостаточном количестве и были по большей части на иностранных языках.

Ординарные профессора медицинского факультета, кроме всего прочего, исполняли обязанности заведующих отделениями в городских больницах. Из-за отсутствия факультетских клиник по основному направлению медицины они часто приглашали студентов в больницы Казани по воскресным, праздничным дням или по вечерам после занятий и проводили с ними практические занятия. Учащиеся посещали Губернскую земскую больницу, где главным врачом был проф. Л.Л. Левшин, окруж-

ную психиатрическую больницу под руководством проф. А.У. Фрезе, терапевтическое отделение Александровской мящанской больницы, которым заведовал проф. М.А. Хомяков (Флерин Н.Ф. Указ. соч. С. 314).

Таким образом, университет структурировал жизнь профессора, расписывая ее по академическим годам, времени каникул, отпусков, командировок внутри академического года, по неделям, дням и часам, согласно занятиям в университете. Эта структура подчиняла ученых своему ритму и формировала особую жизнь университетского человека. Необходимость выполнения различных видов деятельности – преподавательской, административной, научной – вынуждала профессоров находиться в состоянии постоянного напряжения. В результате в корпорации складывались разнообразные персональные стратегии деятельности. Развитие научной деятельности, а также гражданской активности интенсифицировало социальное время профессоров, способствовало делению представителей корпорации на тех, кто находился в состоянии профессиональной активности, и на «пассивных» членов университетского сообщества.

Р.Ш. Нигматуллин (ТГГПУ, Казань)

К истории становления кафедры всеобщей истории ТГГПУ (1918–1945 гг.)

Кафедра всеобщей истории ТГГПУ ведет свою историю с 1918 г., когда после преобразования действовавшего с 1876 г. Учительского института в Казанский педагогический институт впервые была введена специализация студентов по историко-социальному циклу. В соответствии с новым планом обучения (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–92б) для студентов этого цикла уже в 1918 г. был введен ряд дисциплин по всеобщей истории. Для чтения лекций по дисциплинам «Древняя история» и «Средняя история» был приглашен проф. В.Т. Дитякин. Дисциплина «Новая история» была представлена двумя учебными курсами – «Абсолютизм в Западной Европе» (проф. С.П. Сингалевич) и «Англия в XVII веке» (доц. М.Д. Бушмакин). Помимо этого для всех циклов отделения по подготовке школьных работников для школы II ступени (III отделение) вводились дисциплины «Введение в историю культуры» (М.Д. Бушмакин) и «Новейшая история Западной Европы (XIX в.)» (С.П. Сингалевич).

В 1919 г. институт был переименован в Высший институт народного образования (ВИНО). Введены новые курсы, в т.ч. «Международная политика» (проф. Н.Н. Кравченко) и «История гуманизма и реформации» (С.П. Сингалевич). В марте 1920 г. Сингалевич приступил к чтению единого курса лекций по предмету «Новая история» для студентов ВИНО и КГУ (НАРТ. Ф.1487. Оп.1. Д. 4. Л. 20). В 1920/1921 учеб. году по разным причинам сняты курсы «История Англии в XVII веке», «Международная

политика», «История гуманизма и реформации». В то же время введен курс «История Великой Французской революции» (М.Д. Бушмакин) (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 33). Учебный план на 1921/1922 г. предусматривал изучение студентами-историками общих курсов по древней и средневековой истории (В.Т. Дитякин), истории XVIII века (М.Д. Бушмакин), а также работу в семинаре по истории Великой Французской революции (С.П. Сингалевич). Всем студентам III отделения должны были читаться пропедевтические курсы, в т.ч. «История Великой Французской революции» (Сингалевич) и «Введение в историю культуры» (Бушмакин) (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 50–51). Существенные изменения в организации и содержании учебного процесса были адекватным отражением трудного процесса становления советской высшей школы.

В первые годы в структуре вуза не было кафедр в современном понимании. В документах за 1919 г. упоминается ряд исторических кафедр: «русской историографии и русской истории», «истории религий», «профессионального рабочего движения». В 1920 г. на кафедру «Международная политика» был избран проф. Н.Н. Кравченко для чтения соответствующего курса «для желающих студентов историко-социального цикла» (Ф. 1487. Оп. 1. Д. 3. Л. 71б). В этом случае, как и в ряде других, под кафедрой понимался один преподаватель с одним учебным курсом. В 1920 г. была предпринята первая попытка упорядочить структуру: утвержден список кафедр, включая «кафедру истории – 2 проф., 2 препод.» и «кафедру методологии истории – 1 проф.» (Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 60).

В августе 1922 г. КПИ (преобразован из ВИНО в октябре 1921 г.), факультет общественных наук КГУ (без правового отделения) и Восточная академия были объединены в Восточный педагогический институт (ВПИ), который (до 1939 г.) становится единственным вузом Казани, продолжающим подготовку специалистов по истории на словесно-историческом отделении (с 1924 г. – общественно-экономическое отделение). Именно тогда в структуре института появляется кафедра «всеобщей истории и методики обществоведения», ее первым заведующим стал С.П. Сингалевич (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 5. Д. 104. Л. 24), который вплоть до завершения работы в КПИ продолжал руководить работой кабинета методики истории (позже – обществоведения). В 1922 г. решением Педагогической секции Государственного ученого совета в должности профессора кафедры был утвержден В.Т. Дитякин, он же возглавил кабинет истории и теории марксизма. В том же году в должности преподавателя по «кафедре всеобщей истории» был утвержден М.Д. Бушмакин (с июня 1928 г. – доцент). Так в начале 20-х гг. складывается костяк кафедры.

В последующие годы к работе на кафедре привлекаются новые преподаватели, главным образом из числа выпускников ВПИ. В 1925 г. на должность ассистента была принята выпускница словесно-исторического отделения ВПИ (1924) Е.С. Гинзбург. Вплоть до осени 1930 г. она преподавала методику обществоведения. В феврале 1930 г. на должность стар-

шего ассистента по методике обществоведения был принят Р.Ш. Тагиров. В том же году должность ассистента кафедры занимает выпускница общественно-экономического отделения ВПИ (1930) К.Г. Крылова. В сентябре 1930 г. на должность доцента принимается Г.С. Садретдинов. В 1931 г. и.о. доцента кафедры по совместительству становится выпускник общественно-экономического отделения ВПИ (1927) В.И. Адо.

В 1930 г. в результате структурного укрупнения ВПИ был создан общественно-литературный факультет, составной частью которого стало историко-экономическое отделение. В сентябре 1930 г. кафедра была переименована в «кафедру истории классово-борьбы на Западе», призванную «объединить курсы по истории Запада, читаемые на всех отделениях, включая курс по истории эпохи империализма, а также методику истории» (приказ по ВПИ № 91 от 10.09.1930). Зав. кафедрой вновь был назначен С.П. Сингалевич, а руководство кабинетом по истории классово-борьбы на Западе поручено В.Т. Дитякину. (В апреле 1931 г. В.Т. Дитякин был освобожден от преподавательской работы «как не обеспечивающий марксистско-ленинскую линию в преподавании диамата и истмата», после чего переехал в Москву, где продолжил научно-педагогическую деятельность. В 1941-44 гг., будучи эвакуированным из Москвы в Казань, вновь преподавал в КГУ и КГПИ. В послевоенные годы работал в МГУ).

В 1931 г. после преобразования ВПИ в Татарский педагогический институт (ТПИ) основной структурной единицей вновь становятся отделения, в т.ч. историко-экономическое. Кафедре было возвращено прежнее название, С.П. Сингалевич назначен зав. «кафедрой всеобщей истории», определен новый состав дисциплин кафедры: «курсы историко-общественных формаций, история Запада эпохи промышленного капитализма, эпохи империализма, марксистская история техники, история религии, история христианства, методика истории, методика обществоведения» (приказ по ВПИ № 112 от 18.08.1931). При кафедре начинает функционировать аспирантура. Одним из первых аспирантов стал С.М. Муртазин, специализировавшийся по истории Запада.

Завершается период организационных перестроек 1920-30-х гг. в 1934 г. новой трансформацией вуза – созданием Казанского государственного педагогического и учительского института (КГПИ) в составе четырех факультетов, включая исторический. Вторая половина 30-х гг. стала одним из наиболее сложных периодов в истории кафедры. С одной стороны, это было время заметной активизации ее деятельности, вызванной восстановлением преподавания истории в учебных заведениях. Начинает функционировать отделение заочного обучения, осуществляется подготовка учителей истории для неполных средних школ. С другой стороны, на волне борьбы с «врагами народа» ведущие преподаватели были подвергнуты критике и репрессиям. Так, в феврале 1935 г. М.Д. Бушмакин был отстранен от учебной деятельности, как «допустивший по своей преподавательской работе в институте по истории средних веков грубей-

шие извращения, объяснявшего факты истории с точки зрения буржуазной методологии» (приказ по ТПИ № 18 (§ 1) от 4.02.1935). Лишь в 1937 г. он был вновь допущен к чтению учебного курса «История доклассового общества». В 1938 г. С.П. Сингалевич был отстранен от заведования кафедрой всеобщей истории, арестован и приговорен к 8 годам лагерей.

После ареста С.П. Сингалевича «временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории» был назначен В.И. Адо (приказ по КГПИ № 122 от 21.09.1939). По свидетельству Р.Ш. Тагирова, «накануне Великой Отечественной войны кафедру всеобщей истории возглавлял Г.Ф. Юдин». Во второй половине 30-х гг. к работе на кафедре привлекаются новые преподаватели. В 1936 г. на должность и.о. доцента была принята выпускница аспирантуры (1935) при ЛГПИ им. Герцена Г.М. Данилова. В 1940 г. на должность старшего преподавателя был принят выпускник аспирантуры при Московском институте истории, филологии и литературы, к.и.н. А.Х. Рафиков (приказ по КГПИ № 118 от 7.09.1940). Он стал первым в истории кафедры преподавателем, получившим ученую степень после Октябрьской революции.

Особым этапом в истории кафедры стал период Великой Отечественной войны. К чтению лекций на историческом факультете приступают эвакуированные из Москвы ведущие советские историки – академики Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Е.А. Косминский. В 1941-42 гг. в КГПИ работала Н.А. Сидорова. В 1942 г. на кафедре начинает преподавательскую деятельность Л.Е. Кертман. В начале 1942 г. зав. кафедрой всеобщей истории назначен эвакуированный из Москвы член-корр. АН СССР А.В. Ефимов, но вскоре в связи с подготовкой к изданию «Истории дипломатии» он был отозван в Москву. В июне 1942 г. новым зав. кафедрой назначается доц. М.Д. Бушмакин. В марте 1942 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета КГУ М.Д. Бушмакин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внешняя политика Генриха IV». Оппонентами выступили академик Е.В. Тарле и профессор Б.Ф. Поршнев.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, кафедра смогла не только сохраниться, но и нарастить свой потенциал.

Р.Б. Казаков (РГГУ, Москва)

**Из научного наследия Кафедры источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин
Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в.**

Кафедра (первоначально – под названием «кафедра вспомогательных исторических дисциплин») была образована в составе Московского государственного историко-архивного института в августе 1939 г. Об истории кафедры, ее профессорах и преподавателях написаны статьи, опубликованы документы, издана история кафедры (Простоволосова Л.Н.,

Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990; Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001; Система «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории» – основа профессионального образования гуманитария: (Концепция развития кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Ист.-арх. ин-та РГГУ) // Вестник РГГУ. Сер. «Ист. науки». М., 2009. № 4 и др.).

За семьдесят лет работы кафедры в составе ее коллекций оказались разнообразны учебные материалы: плакаты и таблицы, географические карты, нарисованные от руки, рисунки и фотографии, издания разных лет, которые используются в качестве раздаточного материала. Коллекция рукописных документов XVII–XX вв. включает в себя столбцы, отдельные листы и тетради рукописных и старопечатных книг с примерами инициалов и вязи, образцы бумаги российского и иностранного производства. В учебном процессе используется коллекция российских монет XV–XXI вв. и иностранных монет в основном XX в., российские, советские и иностранные бумажные денежные знаки XIX–XX вв.

Кафедра располагает коллекцией медалей российского и иностранного происхождения, а также восковыми и гипсовыми слепками монет и печатей западноевропейского Средневековья. Несколько десятков металлических матриц печатей учреждений и матриц печатей с личными гербами и монограммами XIX – начала XX в. неатрибутированы и еще ждут своего исследователя. Часть собрания была передана в Библиотеку РГГУ.

Десятилетиями собирались рукописи трудов, подготовленных кафедрой, не все из них опубликованы. О неосуществленном проекте хрестоматии по дипломатике и курсе лекций по источниковедению, который читал А.Ц. Мерзон, уже писалось. Несомненный интерес представляют записи обсуждения учебного пособия Л.В. Черепнина «Русская палеография» (М., 1956), ставшего классическим.

1930–40-е гг. – время, когда учебников и учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам крайне не хватало. Студенты пользовались стенограммами лекций, хранившимися в кабинете кафедры (например, лекций проф. Н.В. Устюгова по курсу «Вспомогательные исторические дисциплины»). Сохранились стенограммы 1–26 лекций, читанных со 2 сентября по 16 декабря 1938 г. Лекционный курс открывался хронологией (лекции 1–4), затем читались лекции по сфрагистике (лекции 5–8), геральдике (лекции 9–11). Лекции 12–21 и 23 посвящены проблемам метрологии, лекции 22, 24 и 25 – нумизматики, а лекция 26 – эпиграфики. Структура блоков лекций вполне академична: определение той или иной дисциплины сопровождалось рассуждением о ее цели, объекте и предмете. Н.В. Устюгов характеризовал литературу по курсу, как правило, дореволюционные издания. Затем излагался сам материал курса.

Очевидно, что курс палеографии читался отдельно от других вспомогательных дисциплин. Об этом можно судить по стенограммам лекций профессора и зав. кафедрой А.Н. Сперанского, читанных с 5 сентября 1937 г. по 5 января 1938 г. (16 нумерованных лекций; стенограммы датированы). Курс делился на две части: собственно палеографическую, длившуюся весь сентябрь, и лекции по дипломатике, насыщенные и палеографическим материалом, и сведениями по истории учреждений, которые длились по январь. Первая и вторая лекция (4 сентября) были посвящены очерку развития русской дипломатии (Лекция 4 сент. 1937 г. С. 1). Лекция 5 сентября – третья, в ней давалась характеристика славянских письменных памятников, начиная с XI в. В лекции ничего не говорилось о цели и задачах самой дисциплины, ее объекте и предмете.

Стенограмма позволяет судить об особенностях преподавания дисциплины. Из лекций А.Н. Сперанского: «Мы с вами рассмотрели образец старинной рукописи. Это рукопись уникальная и, конечно, для практических занятий студентов, аспирантов и даже профессоров она выдается сравнительно редко» (Лекция 5 сент. 1937 г. С. 34). Иногда в лекциях встречались элементы воспоминаний о недавних временах: «Здесь, в Москве, покойный профессор нашего Института Павел Григорьевич Любомиров рассказывал, как в этот Исторический музей привезли архив Шереметева. Архив представлял собой частью полные дела, а частью то, что у нас называется технически архивной россыпью». Новгородские берестяные грамоты еще не были открыты, поэтому в лекциях говорилось: «С березы срывали вот эту тонкую кору, ложили ее костью или гладким предметом и затем на этих тонких берестяных листах писали, причем иногда писали целые книги. От древнейших времен мы имеем только некоторые упоминания об этом» (Лекция 16 сент. 1937 г. С. 21, 23).

Лекции А.Н. Сперанского, посвященные русской дипломатике в составе курса палеографии, представляют особый интерес. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы в 1937 г. подробно рассуждать о достоинствах школы А.С. Лаппо-Данилевского, а Сперанский делал это на протяжении всего курса. Уже начало заявляло о приоритетах: «...В конце XIX века у нас зарождается в этой дисциплине [дипломатике. – Р.К.] новая школа, очень значительная и серьезная, школа Лаппо-Данилевского». Краткий очерк развития дипломатии в России давал важнейшие сведения: «Лихачев свое высшее образование закончил в Казанском университете, и здесь под влиянием профессоров русской истории Загоскина, Фирсова и других у него сложились те интересы, которые определили дальнейшую ученую работу этого исследователя» (Лекция 4 сент. 1937 г. С. 1). А.Н. Сперанский подробно говорил о деятельности Н.П. Лихачева и о его судьбе, включая арест и ссылку. И далее: «Но рядом с Лихачевым появилась новая школа Лаппо-Данилевского, на ней приходится остановиться более подробно. <...> По своим методологическим приемам и историко-философским воззрениям Лаппо-Данилевский принадлежал к той

школе профессоров, которая шла вслед за неокантианством. Изучая исторические явления, эти ученые видели в них явления идейного порядка, пытались всякий исторический факт поставить в связь с общей культурой, рассматривая его как деятельность человеческого сознания. И с этой точки зрения изучение всех исторических явлений и является характерной чертой Лаппо-Данилевского. <...> И когда Лаппо-Данилевский подходит к изучению актов, он рассматривает их как явления природы. Он не знает классовой природы культуры. Культура у него нечто общее для всего народа, и над всем этим возвышается государственная власть. Этот плюрализм Лаппо-Данилевского при рассмотрении явлений сказывался в его дипломатике, и к дипломатике он подошел не случайно. Изучение социально-экономических явлений заставило его искать тех путей, которые могли ему обеспечить изучение массовых фактов, введение цифр в изучение, введение статистического метода. <...> Здесь и сказались те же недостатки общей методологии Лаппо-Данилевского, на которые я указывал. Он рассматривает акт как явление культуры, и для него – это акт прежде всего правосознания общества, взятого в целом; т.е. классовый характер понимания отдельного юридического акта, правосознания отдельных людей для него исчезает. <...> Но у Лаппо-Данилевского очень много ценного в его методе анализа частного документа. Буржуазная историография дает нам нередко образцы чрезвычайно тщательного описания факта. И эта тщательность описания факта наблюдается в работах Лаппо-Данилевского и в работах его учеников» (Там же. С. 5-8).

Неопубликованные и теперь вводимые в научный оборот материалы научного наследия кафедры позволяют во многом по-новому и более полно представить себе тот историографический контекст и образовательные стратегии, в которых формировалась Научная школа источниковедения Историко-архивного института.

В.П. Золотарев (Сыктывкарский ГУ)

Научно-исследовательская лаборатория при кафедре – эффективное средство подготовки историков (из опыта работы)

Среди научных сообществ историков свое место занимают научно-исследовательские лаборатории в рамках университетских кафедр. Цель этих заметок автор видит как раз в том, чтобы поделиться многолетним опытом работы такого сообщества.

16 декабря 1999 г. на Ученом Совете исторического факультета было принято Положение о студенческой межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике», которая превратилась в центр изучения научного наследия Кареева, творчества его учеников. В лаборатории принимают участие студенты 1–5 курсов, аспиранты и сотрудники кафедры истории зару-

бежных стран в новое и новейшее время. Члены лаборатории – студенты, аспиранты и сотрудники факультета исследуют жизнь и научное наследие выдающихся учеников Кареева, «потерянных» отечественной и европейской историографией – М.А. Буковецкой, П.П. Митрофанова, А.М. Ону, Е.Н. Петрова, П.П. Щеголева и др. Творчеству Кареева и его последователей посвящены диссертационные работы аспирантов кафедры. Лаборатория «вышла» за рамки студенческой и превратилась в центр подготовки кандидатов и докторов наук. Подтверждением тому служат научные исследования С.Л. Клеостовой, И.Е. Морозовой, О.И. Зезеговой, Ю.С. Волковой, Т.В. Павловой, Т.П. Филипповой, О.В. Поляковой и др. Доцент филфака В.П. Ефименко (ныне докторант СПбГУ) реконструирует взгляды Кареева на исторический роман. Одним из направлений работы лаборатории является издание трудов Кареева, хранящихся в архивах нашей страны. В.А. Филимоновым подготовлена к изданию «Библиография научных трудов академика Н.И. Кареева» (на сегодня самая полная, в которой указано 905 его работ); Е.В. Карповой подготовлена к публикации рукопись монографии ученого «По большой дороге истории». В 2000 г. на базе научных исследований лаборатории прошла первая Всероссийская научно-теоретическая конференция, посвященная 150-летию Н.И. Кареева. Из 34-х авторов подготовленного по ее итогам сборника статей 19 являются сотрудниками, аспирантами и студентами СыктГУ.

Научное наследие Н.И. Кареева изучается совместно с кафедрой истории древнего мира и средних веков. В 2002–2003 гг. был реализован под руководством В.А. Филимонова проект (грант) «Античность в научном наследии Н.И. Кареева» в рамках программы «Университеты России». Карееведение – одно из известных в стране научных направлений института СыктГУ – сегодня представлено научной школой автора этих строк. У сотрудников лаборатории сложились творческие связи с коллегами из СПбГУ, где проводятся, начиная с 1995 г. Кареевские чтения по новистике. Ученые СыктГУ – их неперемменные участники. У нас установились плодотворные связи с историками Казанского университета (В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, А.А. Сальникова, Л.А. Сыченкова и др.).

12–14 ноября 2008 года в ИВИ РАН состоялся «Круглый стол» на тему «125 лет со дня выхода в свет докторского исследования Н.И. Кареева “Основные вопросы философии истории”: современное прочтение». Руководство лабораторией разработало план проведения упомянутого «Круглого стола». В нем приняли участие большинство членов нашей лаборатории. Издан сборник материалов «Круглого стола».

Исследование процессов модернизации в контексте интеллектуальной истории ведется по двум направлениям. В рамках *первого* направления на примере работ Н.И. Кареева по истории славянских народов рассматривается влияние общественно-политической ситуации на формирование когнитивной структуры отечественной историографии. Кроме того, освещается роль славистических исследований в решении

внешнеполитических задач Болгарии в первой трети XX в. *Второе* направление – изучение вопросов, связанных с формированием когнитивной и институциональной структуры советского финно-угроведения на примере деятельности выдающегося коми ученого – филолога, поэта и общественного деятеля В.И. Лыткина (1895–1981 гг.) в рамках международного проекта «Процессы модернизации в Баренц-регионе». Исследуется взаимосвязь экономических и политических факторов становления институциональной и когнитивной структур коми языкознания.

Всестороннюю помощь лаборатории оказывали выдающиеся историки-новисты Ленинградского государственного университета В.Г. Ревуненков, К.Б. Виноградов, С.М. Стецкевич, а также профессора С.И. Ворошилов, Б.А. Ширяев и Б.Н. Комиссаров. В установлении и развитии творческих связей лаборатории с ленинградскими историками не можем не отметить роль доцента Г.Д. Петровой (ученицы В.К. Фураева).

В последние годы под руководством зав. кафедрой В.П. Золотарева (с 1996 г.) сформировано еще одно научное направление, призванное создать портретную галерею учеников Н.И. Кареева. Сделано уже немало: «нарисованы» и опубликованы портреты его учеников двух поколений В.А. Бутенко, Я.М. Захера, В.В. Бирюковича. В формате выпускных квалификационных работ воссозданы образы А.М. Ону, П.П. Щеголева, П.П. Митрофанова, И.Л. Попова-Ленского. Ждут своей «очереди» Е.А. Соловьев и один из последних учеников академика Н.П. Соколов.

Лакуной российской историографии второй половины XIX в. является неизученность взаимодействий и взаимовлияний великих русских историков и их научных школ. Сделаны попытки в этом весьма перспективном секторе исторической мысли.

Своеобразие нашей лаборатории состоит в том, что ее научно-исследовательская практика дает ценнейший сплав опыта профессоров, доцентов со студенческим и аспирантским дерзновением, тем самым поддерживается и умножается преемственность «отцов и детей», что позволяет, как говорили наши предки, «свече не погаснуть».

Н.Г. Шишкина (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Развитие научно-педагогических традиций профессора В.Е. Майера кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ

В 1949 г. на историческом факультете Удмуртского госпединститута была создана кафедра всеобщей истории, ставшая впоследствии основой для двух самостоятельных структурных подразделений – кафедры истории древнего мира и средних веков, а также кафедры новой и новейшей истории. Сегодня можно говорить о нескольких этапах развития кафедры. Каждый из них связан с именем заведующего кафедрой и теми идеями, которые внедрялись в практику в это время.

Особая страница в развитии кафедры и изучении всеобщей истории и культуры связана с именем Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера. С сентября 1945 г. по 10 февраля 1985 г. его жизнь была связана с УГПИ (с 1972 г. – УдГУ), где он прошел путь от ассистента до профессора, зав. кафедрой всеобщей истории (1964–1985 гг.), проректора по научной работе. Здесь он вырос в крупного медиевиста-германиста, ученого энциклопедических познаний, исследователя с европейским именем. Это была многогранно одаренная личность, прекрасный педагог, совершенно замечательный по своим душевным дарованиям человек.

Более 30 лет упорного труда В.Е. Майера отдано исследованию крестьянского мира Германии XIV–XVI вв. Его работы важны не только в плане расширения представлений о позднесредневековой истории Германии, они позволяют по-новому взглянуть на многие теоретические проблемы генезиса капитализма на европейском континенте, дают перспективу дальнейшего хода исторических исследований.

У В.Е. Майера счастливо сочетался талант крупного исследователя и педагога. Круг научных интересов Василия Евгеньевича был столь же широк и многообразен, как и его педагогическая деятельность. Около сорока выпусков студентов-историков заинтересованно слушали лекции В.Е. Майера по истории средних веков, работали в его семинарах, проходили специализацию под его руководством. Большим успехом пользовались его лекции и на факультете романо-германской филологии.

Одной из главных забот В.Е. Майера в качестве зав. кафедрой всеобщей истории в конце 60 – начале 70-х гг. стало создание коллектива единомышленников, ученых-педагогов. Именно тогда на кафедре заметно активизировалось изучение античности, историю которой преподавала Н.С. Талашова, ученица проф. А.С. Шофмана, и появилось новое в те годы направление – этнография, возглавил его В.Е. Владыкин, в настоящее время – один из ведущих финно-угроведов страны. Тогда же было положено начало преподаванию дисциплин специализации и подготовке дипломных работ по проблематике античности, средневековья, новой и новейшей истории. В 1973 г. на кафедре была открыта аспирантура. Тематика диссертаций аспирантов определялась в русле основных моментов концепции профессора В.Е. Майера. Непосредственно аграрной проблематикой занимались В.А. Чиркин и Л.В. Котова, изучением историографии Н.Г. Шишкина, а В.В. Иванов в качестве приоритетных выбрал темы, связанные с идеологией Реформации в Германии и Швейцарии. Таким образом, в 70-е гг. сложились основные научные направления в деятельности кафедры – изучение проблем средневековой истории Европы в целом и Германии, в частности, античной истории и культуры.

Профессиональное изучение истории Германии требовало от исследователей знания не только современного немецкого языка, но и его диалектов, их исторических особенностей. В.Е. Майер привлекал студентов к выполнению курсовых и дипломных работ, основанных на работе с ис-

точниками и специальной литературой на немецком языке. Можно сказать, что на кафедре всеобщей истории царил атмосфера увлеченности иностранными языками, в том числе и «мертвыми», осознавалась необходимость совершенствования в их изучении.

В 1970-е гг. кафедра, под руководством В.Е. Майера, становится одним из авторитетных в стране центров по изучению средневековой истории Германии. Свидетельством признания достижений кафедры явилось проведение в 1979 г. в Ижевске Всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории европейского феодализма. К середине 80-х гг. стабилизировался состав кафедры, определились ведущие направления в научных исследованиях, укрепились связи с научными центрами страны. Василий Евгеньевич сумел превратить кафедру провинциального института в центр научного изучения и преподавания западноевропейского средневековья. Благодаря огромной научной и организаторской деятельности Василия Евгеньевича всеобщая история в Удмуртском университете стала одним из приоритетных направлений в научной и учебной работе.

В последние годы коллектив кафедры уделяет огромное внимание развитию направлений, связанных с актуальными проблемами преподавания источниковедения и историографии античности и средневековья истории, а также культурно-антропологической и интеллектуальной истории. Накопленный кафедрой опыт изучения и преподавания истории древнего мира и средних веков позволяет утверждать, что и в настоящее время значение классического наследия для формирования и воспитания историков-профессионалов не только не уменьшается, но и получает новые импульсы в условиях модернизации системы образования. Ведущее место в сфере научных интересов коллектива кафедры продолжают сохранять исследования по аграрной проблематике, вопросам идеологии и культуры. Серьезное внимание уделяется разработке методики преподавания в высшей школе. Молодые исследователи обращаются к новым темам, связанным с современными подходами и научными теориями. Коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков прилагает максимум усилий для совершенствования качества профессионального образования за счет повышения квалификации преподавателей, раннего приобщения студентов к научной деятельности, улучшения материально-технической базы и издательской деятельности, приглашения преподавателей из других ВУЗов страны и обучения выпускников кафедры в аспирантурах ведущих университетов России. В целом, работа кафедры – достойное продолжение трудов нашего учителя, память о котором мы трепетно храним. Ежегодно на факультете проходят Майеровские чтения, к юбилейным датам, связанным с именем Василия Евгеньевича издаются тематические сборники. В 2001 г. кафедра начала выпуск научной серии «Историк и его дело» (к настоящему времени издано 7 выпусков).

К 85-летию со дня рождения В.Е. Майера в 2003 г. состоялась Всероссийская конференция, а в декабре 2008 г. – международная научно-

практическая конференция «Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ», приуроченная к 90-летию со дня рождения В.Е. Майера.

Т.Н. Гелла (Орловский ГУ)

Исследование проблем социокультурного восприятия русскими стран Запада на кафедре всеобщей истории ОрелГУ: научные традиции и перспективы

На базе кафедры всеобщей истории Орловского госуниверситета уже несколько лет под руководством профессора Т.Н. Гелла работает научная школа «Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия». Целями и задачами научной школы является повышение на основе комплексного использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов, образующихся в результате соединения научно-исследовательской деятельности с учебно-образовательной системой вуза, эффективности и качества образовательного процесса для подготовки специалистов-историков, разработка и внедрение в учебный процесс инновационных методов изучения социально-политической истории в новое и новейшее время. Школа аккумулирует новейшие достижения истории и смежных гуманитарных дисциплин.

Исследуются следующие проблемы: Россия в мире XIX–XX вв.; проблемы европейской и американо-канадской идентичности; вопросы взаимовосприятия североамериканских и европейских народов; взгляды представителей российских общественных кругов на особенности государственно-политического устройства западных стран; малоизученные вопросы о личных контактах европейцев, американцев и россиян; различные аспекты дипломатических и культурных связей России/СССР и западных стран; Россия и Запад в условиях холодной войны; Россия, США, Европа и проблемы глобализации.

Научно-практическая значимость деятельности научной школы определяется созданием базы данных инновационных систем, возможностью внедрения результатов в учебно-педагогическую практику институтских и университетских курсов по проблемам истории России, нового и новейшего времени стран Запада, культурологии, истории международных отношений, в практику политических дискурсов и т.д.

В работе школы принимают участие 10 человек, из них – один доктор исторических наук, 4 кандидатов, а также аспиранты и студенты. Преимущественно внимание уделяется изучению образа той или иной страны глазами русских современников. В центре исследования такие страны, как Великобритания, Франция, Германия, США. Как правило, результаты исследования представлены в многочисленных публикациях представителей школы. Интересные публикации в рамках работы школы были представлены к.и.н. Ю.В. Кузнецовым по взаимовосприятию США и России [см. статьи «Как историю России рассказывают американским

школьникам», вышедшую в 2005 в сборнике трудов международной научно-практической конференции в Орле, и «От второй мировой войны к “холодной войне”: Джордж Кеннан о Советской России (1944–1951 гг.)», опубликованную в журнале исторического факультета ОГУ «Рюрик»].

Результаты работы школы также были представлены на международном уровне. В частности, руководитель школы д.и.н. Т.Н. Гелла выступала с докладами по проблематике школы на международных конференциях: в 2006 г. в Дареме (Англия) «Образ Англии и англичанина на страницах русских периодических изданий», в 2007 г. в Белфасте прошла презентация доклада «Британские либералы и их имперская политика в оценке русских дипломатов», а в 2008 г. доклад «Испания и испанцы конца XIX в. глазами русских современников: социокультурные аспекты восприятия» был сделан в университете Лиссабона.

Результаты работы – это и успешные защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В.Н. Долговой в исследовании «Русско-английские культурные связи в конце XIX – начала XX веков» (2005) раскрыты факторы, способствовавшие активизации культурного сотрудничества России и Великобритании перед Первой мировой войной, уточнена роль общественных организаций и отдельных представителей русской и английской художественной интеллигенции в процессе расширения русско-английских литературных контактов, проанализирована специфика восприятия отдельных русских писателей в Англии и английских в России. В.Н. Долгова также изучила неизвестные страницы русско-английских театральные связи, исследовала восприятие русской музыки и балетного искусства английскими зрителями на рубеже столетий. Особое место было отведено исследованию исторических условий и факторов, которые оказывали влияние на развитие русско-английских культурных отношений. Впервые автором была предпринята попытка воссоздать целостную картину русско-английских связей в области литературы, театра и музыкального искусства. Значительное внимание была также предпринята попытка более углубленного изучения роли отдельных представителей творческой интеллигенции России и Англии в распространении и популяризации достижений национальной культуры в российском и британском обществах.

Интерес также представляет диссертация Е.В. Жарких «Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начала XX веков: социоэкономические аспекты восприятия». Этнические представления о немцах, за немногим исключением, практически всегда оказывались нагруженными информацией об экономической и социальной ситуации в Германии. Здесь же автор определяет основные каналы проникновения социально-экономической информации о Германии: многочисленные статьи и публикации в специализированных и общеинформативных периодических изданиях; научная и научно-популярная литература конца XIX – начала XX вв.; наглядный пример в лице многочисленных представителей не-

мецких деловых кругов, осуществлявших свою деятельность в различных областях российской экономики и демонстрировавших незаурядные коммерческие способности; впечатления о социально-экономическом положении в Германии, привезенные русскими предпринимателями и путешественниками из их поездок в Германию. Жарких удалось связать коренные изменения в немецком обществе, произошедшие вследствие индустриализации Германии с переменой образа немца в глазах русских. В исследовании Жарких было доказано, что традиционные представления русских о немцах трансформировались в конце XIX – начале XX вв., и наиболее популярным среди русских стал образ немца-предпринимателя.

Не менее значима диссертация В.В. Борискина «Викторианская Англия в оценке русских либералов и демократов в 50–60-х гг. XIX в.», в которой рассмотрены аспекты восприятия русскими современниками экономического строя Англии в середине XIX в. Автор показал, что интерес русских публицистов к английским общественно-политическим институтам чаще всего сопровождался убеждением в невозможности заимствовать их в России из-за их безусловной самобытности. Значительный интерес представляет исследование Борискиным восприятия русскими культурно-бытовых деталей жизни английского общества в изучаемый период. Основное внимание, конечно, уделялось быту господствующих слоев, ибо быт социальных низов особым разнообразием не отличался. Внимание русских либералов привлекала и роль путешествий в жизни англичан. Борискин привел многочисленные мнения и наблюдения русских либералов по поводу английского национального характера.

Активное участие в работе научной школы принимают студенты старших курсов исторического факультета. Ежегодно несколько дипломных работ выполняются в рамках проблематики школы.

Таким образом, на кафедре всеобщей истории ОрелГУ сложились прочные основы для развития научных традиций и воспитания научных кадров в рамках школы ««Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия»».

Т.А. Сидорова (РГСУ, Сочинский филиал)

**Российский государственный социальный университет:
история университета как «историческая биография» вуза
в научно-образовательном пространстве России**

Особое место Российского государственного социального университета в научно-образовательном пространстве России определяется его миссией пионера и лидера в становлении и развитии нового направления в подготовке кадрового корпуса для социальной сферы в нашей стране.

Историю РГСУ, связанную с эволюцией социального образования и формированием социального государства в России, правомерно позицио-

нировать как «университетскую историю» на том основании и в том смысле, что в ее разработке задействованы все структурные подразделения вуза, независимо от профиля: научно-образовательная деятельность кафедр и факультетов объединена общей стратегией, имеет общий вектор и развивается в контексте единой парадигмы.

История РГСУ может быть рассмотрена в разных срезах: и как история относительно молодого вуза, сочетающего в своей деятельности традиции классического университета с современными образовательными технологиями (комплекс текстов, которые еще «пишутся» профессиональными историками), и как обобщенная и биография (биографии) кафедр, факультетов, научных институтов, школ, ученых. Поскольку университетское бытие органично вбирает в себя два мира, мир преподавателей и мир студентов, равновеликой составляющей истории РГСУ становится и история его студенчества.

В зависимости от избранного варианта и структуры «университетской биографии» определяются концептуальные подходы к созданию истории университета. Думается, что в любом случае наиболее приемлемым жанром является жанр исторической биографии, в котором сопрягаются исследования специфических, уникальных свойств РГСУ как инновационного научно-образовательного комплекса и индивидуальные жизнеописания людей, стоявших у истоков его становления и образующих университетское сообщество в современных условиях.

Контекстное пространство университетской истории РГСУ составляют проблемное поле российского социального образования, которое в том числе может рассматриваться как одно из антикризисных средств в системе безопасности страны; социально-экономическая ситуация в России как фактор, определяющий социальный заказ и востребованность специалистов социальной сферы; государственная социальная политика в целом и в отношении наиболее незащищенных категорий населения; аспекты формирования социального государства в России.

Собственно фактологическая история РГСУ прослеживается по следующим основным показателям.

Российский государственный социальный университет создан Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1991 г., является правопреемником Высшей партийной школы КПСС. В 1993 г. переименован в Московский государственный социальный университет (МГСУ). В 2004 г. получил нынешнее название. Он был первым и остается единственным государственным социальным университетом России и СНГ. Ректор-основатель РГСУ – В.И. Жуков, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации. За короткий срок РГСУ сформировался как комплексный образовательный, научно-исследовательский и информационно-аналитический центр, способный решать поставленные задачи на уровне современных требований. В структуре РГСУ более 40 филиалов и представительств, 9 Международных центров социального

образования. В РГСУ получают образование свыше 100 тыс. студентов из всех регионов России. Из них более 25 тыс. обучаются в Москве. Послевузовская подготовка, переподготовка и повышение квалификации осуществляется по 21 направлению. Университет имеет семь диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций; аспирантуру и докторантуру. Учебный процесс в университете обеспечивает высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив (более 70% имеют ученую степень и звание). Учебный план РГСУ включает в себя преподавание более 1120 учебных дисциплин, факультативных и авторских курсов. РГСУ ведет обучение по 63 специальностям на 9 факультетах (факультет социальной работы, педагогики и ювенологии, факультет социальной медицины и реабилитационных технологий, факультет охраны труда и окружающей среды, факультет социального страхования, экономики и финансов, гуманитарный факультет, факультет иностранных языков, факультет информационных технологий, юридический факультет, факультет социального управления).

Уникальность РГСУ в том, что это единственный государственный вуз социального профиля, в котором студенты обучаются, в основном, за счет средств федерального бюджета, а также в неповторимости многих образовательных направлений, которых нет, не только в России, но и за рубежом. РГСУ – головной вуз России в области подготовки кадров для социальной сферы. На базе университета создано и функционирует Учебно-методическое объединение вузов России, ведущих образовательную деятельность по титульной специальности «Социальная работа». По состоянию на 1 января 2008 года в стране зарегистрировано 236 вузов, осуществляющих подготовку специалистов, бакалавров и магистров данной специальности, объединенных в УМО, возглавляемым РГСУ.

По итогам III Всероссийского конкурса «Российское учреждение высокой социальной эффективности» Российский государственный социальный университет признан победителем в номинации «Наука и образование». Ученым университета присуждена премия Правительства Российской Федерации в области образования. РГСУ вошел в число 100 лучших вузов России и награжден золотой медалью «Европейское качество». Университет первым среди российских вузов удостоен сертификата Европейского фонда по управлению качеством «Признанное совершенство в Европе». Вуз прошел европейскую и международную сертификации, которые открыли дорогу выпускникам на рынки труда 37 стран мира. РГСУ входит в число 50 крупнейших университетов России, выпускники которого востребованы ведущими национальными корпорациями. Выпускники РГСУ работают в Правительстве Российской Федерации, избраны в законодательные органы России, в региональные органы, высокий процент выпускников работает в региональных администрациях, в органах социальной защиты населения.

В РГСУ создана признанная международным и российским сообществом научная школа в области социальных наук и социального образования. В структуре РГСУ – Академический научно-педагогический институт, Академический институт социальных исследований, Научно-педагогический центр прав человека и ювенальной юстиции, Институт безопасности образования, Институт ресурсов человека и управления социальным здоровьем, Студенческая академия социальных наук, Научная библиотека, Издательско-полиграфический комплекс «Союз». В университете издаются 7 научных журналов, два из которых – «Ученые записки РГСУ» и «Социальная политика и социология» – включены в перечень изданий ВАК. Ученые университета разрабатывают научные проекты по грантам российских и международных фондов, участвуют в разработке федеральных целевых программ, нормативных актов, активно сотрудничают с ведущими научными центрами России и зарубежья.

Созданы и функционируют многочисленные научные направления (научные школы). Процесс формирования научных школ продолжается. В частности на стадии оформления находится научная школа «История, историография, теория и методология социальной работы».

Таким образом, история РГСУ как крупнейшего социального вуза России, представляет собой многоаспектную, композиционно сложную историческую биографию вуза, вписанную в историю социального образования страны, создание которой базируется на междисциплинарном подходе и парадигмальном синтезе.

Г.Г. Амалиева (Казанский ГУ)

Проблема трансформации документа в условиях внедрения цифровых технологий (на примере электронной коллекции личных дел студентов Казанского университета 1917–1925 гг.)

Архивы и библиотеки старейших вузов страны находятся зачастую в тяжелом состоянии: часть из них погибла во время пожаров и войн, в советское время сузились объемы комплектования. Казанский университет представляет в этом плане уникальное явление: его архив сохранился в целостности и насчитывает 17000 единиц хранения. В Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КГУ (НБЛ КГУ) за более чем двухсотлетнюю историю сформировалось богатейшее собрание документов XIX–XX вв. Большую ценность представляют документы по истории советского периода его существования – фонд личных дел студентов КГУ за 1917–1925 гг., хранящийся в Отделе рукописей и редких книг (ОРРК НБЛ КГУ).

Комплекс личных дел студентов университета 1917–1925 гг. ОРРК НБЛ КГУ включает 9435 единиц хранения в составе фонда 22. На данный момент эти документы мало изучены и практически не востребованы. Одна из причин – отсутствие информации о документах и их представле-

ния в сети Интернет. С внедрением компьютерных технологий во многих научных организациях началась работа по созданию баз данных, электронных коллекций и библиотек. Однако в большинстве случаев созданные ресурсы имеют лишь локальный доступ, что препятствует широкому использованию информации, как специалистами, так и людьми, интересующимися этой проблемой. Появление информационных технологий позволяет разместить их в сети Интернет и обеспечить доступ к ним всему заинтересованному кругу пользователей. В настоящее время в Казанском университете ведутся работы по созданию технологии, позволяющей представить сведения студенческих личных дел в открытом доступе. Коллекция личных дел студентов является частью электронной библиотеки КГУ. Работа поддержана грантом РГНФ (проект № 07-01-12146).

Учитывая специфику представления данных для реализации проекта, в качестве инструментария для создаваемой информационной системы используются следующие продукты:

– Microsoft Access 2003 – это гибкий в использовании программный пакет, соединяющий в себе широкие возможности обработки текста и легкую в использовании систему организации баз данных. К преимуществам программы относится открытый характер базы, т.е. возможность его пополнения новыми сведениями и построения на основе главного банка данных иных форм и конструкций для различных видов обработки информации, проведения статистического анализа. Все данные хранятся в нескольких связанных между собой таблицах (реляционная база данных).

– MySQL – система управления реляционными базами данных, которая применяет язык SQL (Structured Query Language – язык структурированных запросов), стандартный язык запросов к базам данных.

Первоначально база данных ведется в формате Microsoft Access 2003, а при размещении на сайте КГУ конвертируется в формат MySQL.

Личные дела студентов Казанского университета – исторические документы, требующие специализированного описания, метаданных. Данный вид исторических источников обладает рядом особенностей: нарративный характер сведений, неоднородность состава личных дел по объему и видам документов, противоречивость сведений документов разных видов, официально-личный характер. При видовом разнообразии материала личных дел есть, тем не менее, возможность выделить основную форму анкеты, которая и легла в основу сформированного массива данных. Поскольку личные дела не были полностью идентичными, понадобилась дополнительная унификация информации с помощью специально выработанного вопросника (унифицированная анкета). Вопросник заполнялся на каждого студента по его личному делу.

Использование цифровых технологий приводит к трансформации документа – обособлению информации, зафиксированной на материальном носителе от самого материального носителя. Теперь не только документ как единство носителя и информации, но и сама информационная

составляющая может служить объектом технологических процессов. Несмотря на то, что информация в цифровой форме по-прежнему требует вещественного закрепления на каком-либо материальном объекте, она может преобразовываться, перемещаться или копироваться. Движение носителей при этом может быть полностью исключено.

Поэтому при разработке вопросника по личным делам студентов стояла задача как можно более полно охватить сведения каждого документа и максимально приблизить составляемую электронную коллекцию к источнику. Многие значения признаков в вопроснике выявлялись только в процессе работы, поэтому был использован способ частичной формализации признаков. Та информация дела, которая была необходима для идентификации каждого студента (фамилия, имя, отчество, возраст, год рождения, национальность и др.), переносилась в базу данных в той же форме, в какой она была представлена в документах. Некоторые сведения с целью экономии памяти компьютера, облегчения последующей обработки материала и сокращения времени работы были формализованы путем кодировки. Кодирование осуществлялось с использованием т.н. «открытой» шкалы – данным присваивался определенный цифровой код по мере выявления их разнообразия. В компьютерной модели личного дела студента при ответе на вопрос «?отношение к советской власти» – “положительное?” присваивался цифровой код 1, «отрицательное» – 2.

При составлении базы данных использовался такой элемент управления Microsoft Access, как «поле со списком». Поле со списком – это комбинация двух элементов: поля и раскрывающегося списка. В поле со списком список состоит из строк с данными, из которых можно выбрать один из предложенных вариантов ответа или написать новый. Значение, выбранное или введенное в присоединенное поле со списком, вставляется и в поле, к которому присоединено поле со списком. Например, в вопроснике есть пункт «семейное положение». В поле со списком введено четыре варианта ответа – «холост», «женат», «вдовец» и «разведен».

Формулировка возможных ответов на такие вопросы как пол, год рождения и др. не составляла трудности. Другое дело, когда речь шла о формулировке ответов на такие вопросы, как «Занятие до войны», «Кем делегирован». Большинство признаков (переменных), содержащихся в вопроснике, относилось к качественным, то есть не имеющим количественной меры или числового эквивалента (профессия, социальное происхождение, членство в профсоюзе, партийность и другие).

Некоторые вопросы анкет в личных делах были очень сложными, детализированными. Например, вопрос анкеты для поступающих в вузы «В каком профсоюзе состоит членом?, с какого времени? и № членской книжки» был разбит на несколько вопросов: «Членство в профсоюзе» (да/нет/не указано), «название», «год вступления».

Вся совокупность вопросов была разделена на четыре группы: «личное дело», «студент», «родители», «документы», которые, в свою

очередь, делились на признаки и подразделения. Подготовка массовых данных к обработке на компьютере являлась одним из наиболее трудоемких и ответственных этапов всей работы, от которого во многом зависел и окончательный его успех, и корректность окончательных выводов. На данный момент коллекция студенческих личных дел содержит сведения 500 единиц хранения. Также в базе данных можно осуществить поиск и подсчет по таким параметрам, как пол, национальность, социальное происхождение и др. В будущем планируется пополнить существующую коллекцию новой информацией. Информационный ресурс размещается на сервере Казанского университета.

Опыт создания электронной коллекции личных дел студентов Казанского университета за 1917–1925 годы может быть использован при формировании других архивов нарративных источников.

А.Г. Циунчук (Казанский ГУ)

Кафедра политической истории Казанского университета на рубеже XX–XXI вв.: проблема подготовки историков высшей квалификации

Кафедра политической истории вошла в состав исторического факультета в 1994 г., однако на протяжении предшествующего полувека была тесно связана с факультетом, пополняясь его выпускниками, разрабатывая проблемы истории революционного, народнического, социал-демократического движений, истории общественно-политической мысли народов Поволжья, истории партийной организации Татарстана.

В послевоенный период ядро кафедры составили преподаватели-фронтовики М.А. Абдрахманов, А.Х. Бурганов (ныне профессор РГГУ), П.М. Дювбанов, А.К. Исаков, М.А. Кибардин, З.С. Пуцкова. Ш.Н. Садыков, М.Г. Сафронов, В.И. Селицкий, В.Б. Токарев, М.З. Гутаев, А.А. Шишкин, И.Н. Юдин. В 1963 г. зав. кафедрой стал проф. Р.И. Нафигов (возглавлял кафедру до 1993 г.). В 1960-е гг. на кафедре формируется следующее поколение ученых (У.Б. Белялов, А.Г. Циунчук, Ю.В. Бурнашева, Р.Г. Хайрутдинов, Р.А. Гарафутдинов, С.М. Михайлова (зав. кафедрой в 1993–2007 гг.); в 1970-е годы на кафедру приходят В.М. Бухарев, Э.А. Еникеев, М.А. Мулюков, Т.А. Мирсияпов, Л.Н. Бродовская, И.Н. Дулькина, А.А. Садыков, Р.А. Набиев (с 2007 г. возглавляет кафедру политической истории КГУ). В последующие годы в коллектив влились В.В. Буравлева, В.Н. Гайнуллина, Р.А. Циунчук, А.А. Гафаров, М.А. Галеева, Ш.В. Хакимов, Д.И. Люкшин, М.Х. Юсупов. С 1971 г. при кафедре работал Совет по защите кандидатских диссертаций. Уже тогда, кроме работ, в фокусе которых была собственно деятельность КПСС, в совете защищалось немало диссертаций по политической истории России–СССР, по источниковедческим и историографическим темам.

Выпускники аспирантуры и докторантуры становились заведующими общественных кафедр во многих вузах Казани и республики (В.Г. Саркин, О.В. Несмелов, А.А. Петрова, У.Б. Белялов, В.Б. Токарев, З.З. Мифтахов, Р.А. Гарафутдинов, Э.Р. Тагиров, Д.К. Сабирова, О.Н. Коршунова и др.). Закрепляя и развивая научно-педагогические традиции предшественников, кафедра политической истории в 1990-е гг. сосредоточила усилия на исследовании истории общественной мысли народов России, истории политической науки и ее методологии. Благодаря этому активизировалась подготовка высококвалифицированных кадров историков: была обновлена тематика диссертаций, многие работы концентрировались на историографических, источниковедческих, концептуальных проблемах общественно-политических движений. Возглавила эту работу проф. С.М. Михайлова, инициировавшая повышение статуса Совета. В 2001 году на истфаке был открыт диссертационный совет по специальности «Теория политики, история и методология политической науки».

В 2002 г. были защищены докторские диссертации, посвященные значимым в этнополитике проблемам – социокультурному взаимодействию в Волго-Уралье в XVIII–XIX в. (О.Н. Коршунова), теории и практике национальной политики Советского государства в армии в межвоенные годы (Б.Г. Кадыров). В ряде кандидатских диссертаций обстоятельно рассмотрены феномен мещанства в отечественной общественно-политической мысли (Б.С. Аккуратов), историко-политические аспекты федеративных отношений в РФ (А.А. Микерин), избирательные кампании в Татарстане в 1990–2000-е гг. (О.В. Красильникова), политика власти по отношению к религиозным объединениям в Татарстане в 1960–80-х гг. (М.Н. Фасихова), концепция политического и этнокультурного развития современного городского сообщества в Татарстане (А.Р. Засыпкина).

В условиях развития национальных процессов и становления нового российского федерализма существенно расширилась научная тематика защищаемых работ. Этнополитические концепции презентация, общественно-политические взгляды видных деятелей татарского просветительства и национального общественного движения в Волго-Уральском регионе исследовали А.Ф. Кавиев, Л.З. Хакимова, Л.С. Хисамутдинова, Ф.А. Жестовская. Предметом исследований Н.Н. Кадырметовой, Н.К. Гарипова, В.М. Якупова, И.Р. Валиуллина стала этноконфессиональная политика Российского государства, межконфессиональные отношения. Изучались также этнополитическая проблематика в провинциальной публицистике начала XX в. (Н.З. Аппакова), общественная деятельность Казанского земства (Я.В. Солдатов), политическая культура в республиках Поволжья в конце XX в. (В.В. Немировский), культурные связи Татарстана с зарубежными странами (Л.Ф. Ашрафуллина), становление института президентства в Республике Чувашия и в Республике Мари Эл (А.В. Карпов),

национальная политика Российской Федерации (О.В. Козлова), социальная политика в Татарстане (А.М. Валиев).

В ряде докторских диссертаций в различных форматах разрабатывались этнополитические концепции в историко-политической науке и исследовалась их реализация в практике России и зарубежных стран. В работе Р.А. Циунчука «Государственная дума Российской империи: этноконфессиональные и региональные измерения» (2004) дан панорамный анализ всего комплекса этнических, конфессиональных и региональных проблем Российской империи через призму Государственной думы. Л.М. Макарова (Сыктывкар) защитила в 2005 г. докторскую диссертацию на тему: «Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ». А.В. Мартыненко (Саранск) (2006) показал этнополитические и социокультурные особенности новых религиозных сообществ (бахайи и ахмадийята) в контексте модернизации ислама. Е.М. Михайлова (Чебоксары) (2007) исследовала идеологию и деятельность правомонархических партий и движений в Поволжье в начале XX века.

Новой тенденцией стала разработка общественно-политических взглядов и анализ педагогической и общественной деятельности видных профессоров Казанского университета XIX – начала XX вв. Г.И. Солнцева и В.В. Ивановского (работы М.Х. Гизатуллина, А.Р. Нигматуллина). Концептуализация проблематики проявилась также в изучении отражения ключевых формул византизма в идеологии российского консерватизма XIX в. (Ю.Г. Мягков), эволюции миссионерской политики Российской империи в Поволжье (Н.Д. Крайсман). Были изучены проблемы модернизации татарского социума в первой половине XX века (И.Ж. Салахов, Л.Р. Галимзянова, А.Р. Ахметова, Р.Г. Гизатуллин). Ряд исследований был посвящен концепциям избирательных систем и анализу их реализации (Д.Е. Румянцев, Т.Р. Шарафутдинова). Логичным стало обращение к проблемам применения коммуникационных технологий и организации связей с общественностью (Н.М. Галимуллина, И.Р. Феоктистова). Предметом исследований были также зарубежные политические концепты и политические практики (М.И. Левченко, А.Р. Минуллин, Е.Г. Никонов). Проявилась плодотворная тенденция плюрализма теоретико-методологических подходов, расширения понятийного аппарата при сохранении традиционного внимания к источниковедческой базе и историографическому анализу трудов предшественников.

Итак, в первое десятилетие XXI века коллективом кафедры политической истории под руководством проф. С.М. Михайловой была проделана значительная работа по подготовке и научной аттестации большого отряда докторантов, аспирантов, соискателей. Итогом стала успешная защита более 40 диссертаций по разнообразной историко-политической проблематике, что свидетельствует как о сохранении исследовательских традиций, так и о развитии новаций, обеспечивших сближение исследо-

ваний по историческим и политическим наукам, взаимообогащение теоретико-методологических подходов, исследовательских методик.